

УДК 78.071.2

СИБИРСКИЙ ОРФЕЙ: К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДМИТРИЯ ХВОРОСТОВСКОГО

Э.А. ВАНЮКОВА

Независимый исследователь. Краснодар, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ. От редакции: 16 октября 2022 года весь музыкальный мир отмечал 60-летие со дня рождения «золотого русского баритона», знаменитого уроженца красноярской земли Дмитрия Хворостовского, с уходом которого до сих пор невозможно смириться. Ему рукоплескали лучшие оперные театры всех континентов. Его магический голос покори́л и продолжает покорять миллионы слушателей разных стран.

Сегодня всё, что связано с именем Дмитрия Александровича, представляется особо важным и ценным. В память о «сибирском Орфее» и в честь 45-летия Сибирского государственного института искусств, ныне носящего имя своего прославленного выпускника Дмитрия Хворостовского, мы публикуем в этом выпуске журнала мини-серию труднодоступных для общественности материалов городской периодики 1990-х – начала 2000-х гг. с целью знакомства с ними широкой аудитории.

Статьи принадлежат перу музыковеда, авторитетного критика Э.А. Ванюковой, которой посчастливилось стать живым свидетелем профессионального становления и расцвета могучего таланта певца, увидеть «рождение звезды». Одной из первых Эльвира Анатольевна выступила на страницах красноярской печати в качестве биографа, преданного поклонника и апологета Дмитрия Хворостовского, провидчески осмысляя его роль и значение для музыкального мира, раскрывая читателям грани уникального дарования артиста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Дмитрий Хворостовский, оперный певец, выдающиеся баритоны мира, музыкальная культура Красноярск, красноярская периодика.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

SIBERIAN ORPHEUS: ON THE 60TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF DMITRY HVOROSTOVSKY

E.A. VANYUKOVA

Independent researcher. Krasnodar, Russian Federation

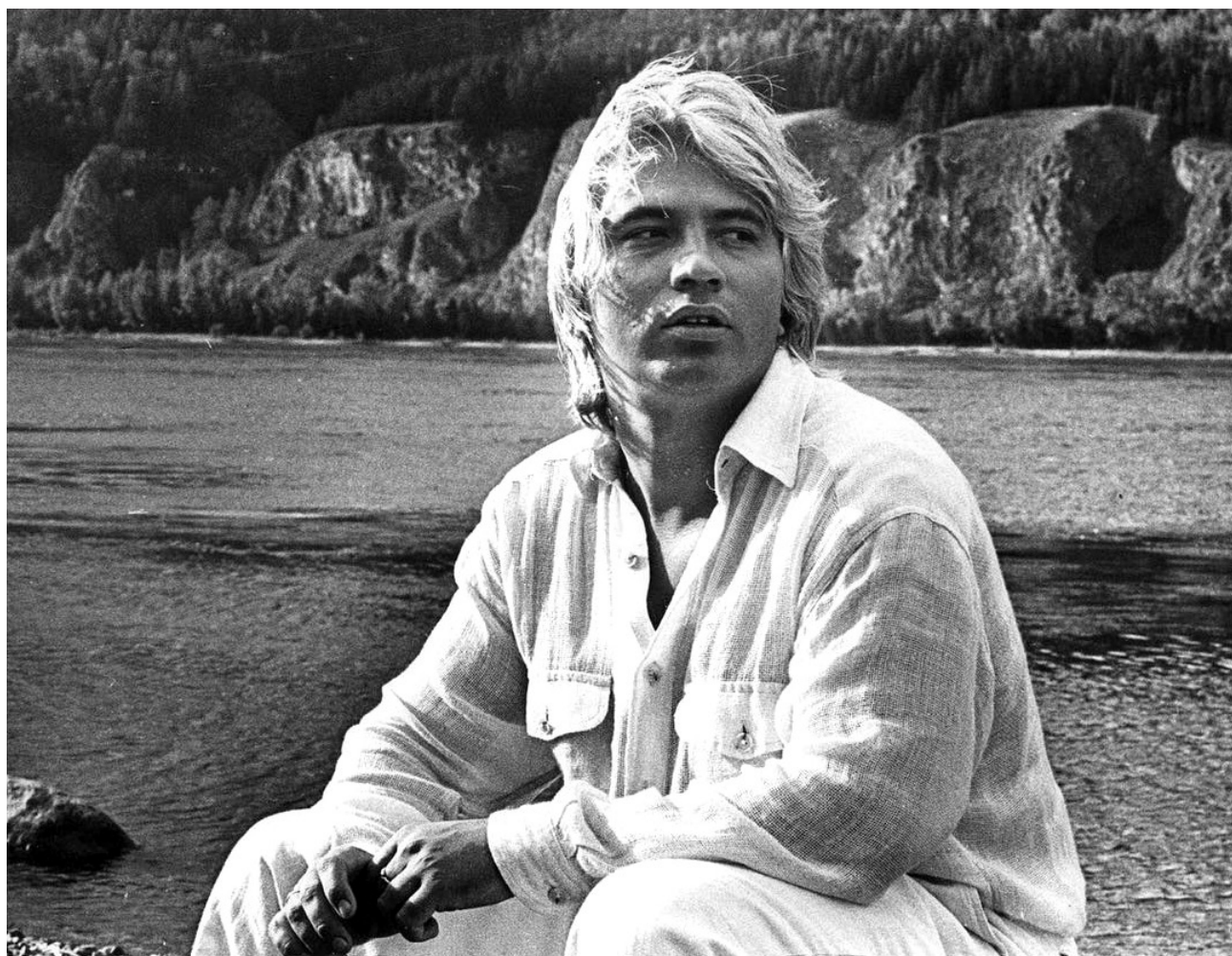
ABSTRACT. On October 16, 2022, the entire musical world celebrated the 60th anniversary of the birth of the “golden Russian baritone”, the famous native of the Krasnoyarskland Dmitry Hvorostovsky, whose departure is still impossible to accept. He was applauded by the best opera houses of all continents. His magical voice has conquered and continues to conquer millions of listeners from different countries.

Today, everything connected with the name of Dmitry Alexandrovich seems to be particularly important and valuable. In memory of the “Siberian Orpheus” and in honor of the 45th anniversary of the Siberian State Academy of Arts, now bearing the name of its illustrious graduate Dmitry Hvorostovsky, we publish in this issue of the journal a mini-series of materials. This materials of the city periodicals of the 1990s – early 2000s are difficult for the public to access.

The articles belong to the pen of musicologist, authoritative critic E.A. Vanyukova, who was lucky enough to become a living witness of the professional formation and flourishing of the singer's mighty talent, to see the “birth of a star”. One of the first Elvira Anatolyevna appeared on the pages of the Krasnoyarsk press as a biographer, devoted admirer and apologist of Dmitry Hvorostovsky. She comprehended his role and significance for the musical world, revealing to readers the facets of the artist's unique talent.

KEYWORDS: Dmitry Hvorostovsky, opera singer, outstanding baritones of the world, musical culture of Krasnoyarsk, Krasnoyarsk periodicals.

CONFLICT OF INTERESTS. The author declares the absence of conflict of interests.

1989 год

О, СВЯЗЬ ВРЕМЁН!¹ + монолог неравнодушного человека

Потребность кое о чём вспомнить и кое над чем поразмыслить возникла у меня после посещения двух разных концертов – «итальянского концерта» Дмитрия Хворостовского, а также концерта, посвящённого памяти Анания Ефимовича Шварцбурга.

То, чем наш город располагает в лице Дмитрия Хворостовского, кажется, ещё не до конца осмыслено даже музыкальными кругами Красноярска. С одной стороны, это проявляется в великолепной местечковой уверенности, что он был, есть, будет и никуда не денется. С другой стороны – каждый, открывая для себя его искусство, бывает ошеломлён красотой и свежестью его голоса. Пожалуй, нет в СССР на сегодняшний день другого лирического баритона, который можно было бы сопоставить с Хворостовским по вокальным данным и высокой культуре пения.

«Откуда он взялся такой?» – подобные вопросы приходилось слышать неоднократно, и не только в нашем городе, но даже на «берегах Невы». Мне нравится, что такой вопрос возникает, нравится, что мы задумываемся. Ведь в самом деле, у всякой полноводной реки несколько различных по глубине истоков.

С 1963 года в городе начали проходить ежегодные гастролы театров оперы и балета. Красноярску очень повезло тогда. Вкус публики формировали в основном театры Перми и Новосибирска. В те годы до отказа заполнялись залы театров им. А.С. Пушкина или музкомедии, завсегдатаи уже узнавали друг друга, у публики были свои любимцы.

Я не знакома с семьёй Хворостовских, но, зная по газетным публикациям, какую роль сыграл в формировании Дмитрия его отец, думаю, что наверняка описанный выше период не мог пройти мимо внимания этой семьи.

Совершенно очевидно, что вокальная традиция, которую развивает Дмитрий, восходит к творчеству П.Г. Лисициана, большого мастера вокала и тонкого интерпретатора, у которого для каждого композиторского стиля и эпохи находились в арсенале средств индивидуальные краски. Павел Герасимович пел в нашем городе в 1969 и 1970 годах. А знаете ли вы,

с кем из вокалистов Лисициан общался в Красноярске и кого считал примером для подражания? Георгий Григорьевич Асатиани, ещё одного обладателя прекрасного лирического баритона с си-бемолем в верхнем регистре, чья вокальная школа приобретена у И.П. Прянишникова, педагога, воспитавшего также Мравину, Бакланова, Катульскую, Фигнера. Асатиани много лет прожил в Красноярске, участвовал в работе первого лектория при филармонии, знал секреты долгой жизни певческого аппарата, поскольку сумел уберечь до самой кончины свой голос, несмотря на 13 лет, проведённых на Соловках.

Неисповедимы пути, по которым движется и передаётся культурная традиция...

И кто бы мог подумать, что в стенах института искусств Дмитрию Хворостовскому суждено будет учиться у Е.К. Иофель, которая первоначальную школу постановки голоса прошла в Красноярском музыкальном училище (в прошлом – музыкальном техникуме) в классе М.Н. Риоли-Словцовой. Окончив консерваторию, Е.К. Иофель работала некоторое время в Красноярском училище, уехала и через много лет вновь возвратилась в родной город, но уже для преподавания в институте искусств. И как рассказала в одной из телепередач сама Екатерина Константиновна, не попал бы к ней Дмитрий, если бы не протекция ныне покойного Серафима Васильевича Година, который много лет был добрым гением музыкантов города – настройщик с золотыми руками и огромной душевной щедрости человек.

Теперь возвратимся к концерту памяти А.Е. Шварцбурга. Какое же отношение имеет этот музыкант к вышеизложенному? Ананий Ефимович был тем человеком, который два десятилетия кряду определял картину музыкальной жизни города, растил и питал культурную традицию. В тот вечер ясно обнаружилась преемственность различных поколений именно красноярских музыкантов: пианистки Н.Л. Тулуниной, скрипача А. Ривкина и певца Д. Хворостовского. Замечу, между каждым из них разница в четверть века. «О, связь времён! О, токи просвещения!».

1 Публикуется по: Ванюкова Э. О, связь времён! // Красноярский комсомолец. 1989. 23 мая. С. 4.

Конечно, прекрасно, что эти на первый взгляд невидимые нити существуют и не обрываются. Но они могли быть ещё более прочными, если бы мы умели целенаправленно их укреплять. Ведь уже случалось так, что многие музыканты, которые когда-либо учились в Красноярске и которых при определённых условиях можно было сохранить для города, оказались потеряны для нас. Назову лишь несколько фамилий: Николай Низиенко (бас) – ныне солист Большого театра; Татьяна Бобровицкая (сопрано) – солистка Свердловского театра, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии; Светлана Гончаренко – кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой теории музыки Новосибирской консерватории. Все они, очевидно, несколько бы не помешали превращению Сибири в край высокой культуры. Кстати, об этом. Слова эти сами по себе совсем даже неплохие, но, думается, не было бы нужды делать из них очередной броский лозунг, если бы пораньше заняться «сбором камней», сиречь аккумулярованием кадрового потенциала, возвращённого на месте. Получилось так: если что и имели – не дорожили. Те из «родных детей», которых Сибирь не приветила, её покинули. Но вот прошло время, и пришлось бросить клич, то бишь этот самый лозунг, чтобы привлечь сюда творческие силы музыкантов со всей страны.

Извлекли ли мы урок? Научились ли ценить кровное, взлелеянное? Наверное, не до конца. Один пример.

Теперь, когда ясно, что с появлением Дмитрия Хворостовского наша оперная труппа обрела певца, по которому «скучают» сложнейшие в мировом оперном репертуаре партии Дон Жуана, Андрея Болконского, Воццека, а также многие вердиевские баритоновые партии, просто грешно не воспользоваться этим.

Такие качества Хворостовского, как потрясающую работоспособность, преданность музыке, а также всепоглощающую власть музыки над певцом, следовало бы направить в более конструктивное как для самого певца, так и для театра, русло и, используя этот, как сказали бы прежде, «знак божий», строить репертуарную политику театра, учитывая существование в нём певца экстра-класса. Психология публики повсеместно такова, что она идёт «на артиста», то есть в нашем случае «на Хворостовского». Певца

с мировой известностью Наталья Троицкая, живущая и выступающая за рубежом, на страницах журнала «Музыкальная жизнь» сетует на дефицит оперных звёзд на Западе, а мы, имея звезду, не знаем, как ею с толком «распорядиться», и только всё жалуемся, что театр-де оперный нерентабелен и пользуется большой государственной дотацией.

История доказывает, что искусственно культуру не привнесёшь. Она может только расти, созреть постепенно, изнутри, при условии создания благоприятной ситуации, подобно ребёнку в чреве матери.

Я, очевидно, не буду оригинальной, если скажу, что со времени создания симфонического оркестра, открытия института искусств, театра оперы и балета, концертного комплекса, органного зала как раз и начала складываться такая ситуация в Красноярске. Несомненно, что после 1978 года градус музыкальной жизни города и края неизмеримо вырос, и её история вступила в качественно новый этап. Это было особенно ощутимо после 3–4 лет некоторого «затишья» в середине 70-х годов. Однако существует одно обстоятельство, с которым я никак не могу согласиться.

На протяжении довольно длительного времени в радио- и телепередачах, посвящённых музыкальной жизни города, то и дело мелькает мысль, что до 1978 года Красноярск в области культурной был, фигурально выражаясь, целиной непаханой. Людям, родившимся здесь и хоть каким-то образом причастным к событиям прошлого, далёкого и не очень, слышать это по меньшей мере странно.

Были на берегах Енисея и раньше профессиональные певцы, исполнители-инструменталисты, композиторы, которые все вместе подготовили почву для настоящего времени. Напомню только для убедительности, что, например, дань уважения композитору Ф.П. Веселкову город отдал тем, что сделал на длительное время интонации его песен музыкальными заставками к информационным передачам местного телевидения, музыкальными сигналами часов на здании горсовета и в концертном комплексе (песня «Енисей-богатырь»).

У всякой полноводной реки несколько различных по глубине истоков. Культура без преемственности немыслима. Помнить и хранить прошлое необходимо. А за именитыми земляками дело не станет.

1994 год

УСЛЫШАТЬ – И УМЕРЕТЬ!² (концерт Дмитрия Хворостовского)

Со второй половины мая красноярские меломаны жили в предвкушении грандиозного события – очередного и (к великому разочарованию многих) единственного концерта Дмитрия Хворостовского, как всегда благотворительного. Публика была заинтригована, потому что афиши чересчур скромно и лаконично извещали, что исполняться будет музыка Пёрселла, Равеля, Шостаковича и Свиридова. Партия фортепиано – Михаил Аркадьев.

Если вдуматься, мало кто из певцов может себе позволить соединить в одном вечере без творческих потерь произведения «британского Орфея», жившего во второй половине XVII века, рафинированного французского музыкального живописца, чьё творчество расцвело в первой трети нашего столетия, и двух современных нам гигантов отечественной музыкальной культуры, почитаемых во всём мире классиков XX века.

Тремя сольными песнями Генри Пёрселла открылся этот концерт. Их содержание – гимн красоте и облагораживающей силе Музыки. На могиле композитора в Вестминстерском аббатстве выбиты слова: «Только на небесах его искусство может быть превзойдено». В зале было ощущение, что именно на небеса слушатели и вознеслись, хотя, думается, Хворостовский и Аркадьев ставили перед собой цель иную – исполнить музыкальный текст аутентично, то есть в точности так, как он звучал при жизни автора: эффект был просто потрясающий!

Следующим сюрпризом стали произведения Дмитрия Шостаковича. Прозвучал отрывок из цикла «Четыре монолога на стихи Александра Пушкина» и два романса из цикла «Испанские песни» на народные тексты.

Трактовать вокальную музыку Шостаковича чрезвычайно трудно. Автор скуп на внешние эффекты. Его никогда не привлекала виртуозность ради виртуозности. В исполненном Дмитрием Хворостовским «Отрывке» более «певучей», по замыслу композитора, является партия фортепиано, а певец выступает в роли «рассказчика».

По поводу «Испанских песен» приходится только сожалеть, что пока мы не услышали все шесть песен цикла. Совершенно нетрадиционный подход, бесконечная палитра эмоций и бездна смысла, которые обозначены в песнях «Прощай, Гренада!» и «Первая встреча», обещают нам в будущем свидание с очередным исполнительским шедевром Дмитрия Хворостовского и Михаила Аркадьева.

Зато цикл «Три песни Дон Кихота к Дульсине» прозвучал целиком. Морис Равель писал эту сочную, «вкусную», мастерски сделанную музыку для Фёдора Ивановича Шаляпина, в расчёте на его гениальность. Равель вообще был страстным почитателем русского искусства, и оно, в лице Дмитрия Хворостовского, отплатило великому мастеру музыкального колорита сторицей. Публика прямо-таки купалась в тончайшей звукописной изысканности «Романтической» и «Элегической» песен и внутренне ахнула в «Застольной» – было впечатление, что вся песня спета на одном дыхании.

Второе отделение с вокальным циклом Георгия Свиридова «Отчалившая Русь» на стихи Сергея Есенина стало подлинным откровением артистов. Подумалось, что с исполнением этого произведения начата некая новая точка отсчёта в творчестве нашего великого соотечественника. Несомненно, что Хворостовского привлекли к свиридовскому циклу самый сложный клубок чувств и мыслей, завязанный в этой трагической музыке, философские размышления о судьбе России и её неисповедимых путях, сыновья боль за её раны и страдания:

*Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?*

Очевидно также, что все эти стороны музыки Свиридова и поэзии Есенина нашли самый горячий отклик в сердце и самого певца, и его благодарных слушателей. Было ясно как день, что каждое слово и каждый звук имеют самое непосредственное отношение к любому сидящему в зале. И не оттого ли многие украдкой время от времени смахивали слёзы?

2 Публикуется по: Ванюкова Э. Услышать – и умереть!: [концерт Д. Хворостовского в Красноярске] // Вечерний Красноярск. 1994. 2 июня. С. 3.

*Скоро мне без листвы холодать,
Звоном звёзд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь.
Не меня будут старцы слушать.*

Овациям и потоку цветов, казалось, не будет конца. Хворостовский и Аркадьев много и щедро бисировали: произведения Кальдара, Чайковского, Рахманинова и, наконец, «Прощай, радость...» – ещё одна русская народная песня без сопровождения, которую исполняет Дмитрий наряду с уже знаменитой «Ноченькой». Рассказать об этом просто невозможно. Тут вполне уместна формула: услышать – и умереть!

С каждым концертом, будь это запись на центральном телевидении или живое исполнение в Красноярске, убеждаешься – Хворостовского надо не только слышать, но и видеть. Пластика его жестов настолько точна и образна, что порой даже дух захватывает от прицельного попадания в «точку».

Практически всё, что мы услышали 25 мая в Малом зале в основной программе, было для красноярцев премьерой. Хворостовский нас балует. Зачастую красноярская публика вообще первой знакомится с новыми программами выдающегося артиста, слышать которого в живом звучании многие могут только мечтать.

1997 год

КОГДА ОРФЕЙ ПОЁТ О «ПЕТЕРБУРГЕ»³

Оба сольных концерта Дмитрия Хворостовского, спетых им в Красноярске, оказались окрашенными неповторимой нотой печали. Они были посвящены памяти его друга Евгения Андреевича Лозинского – музыканта, коллекционера, неутомимого пропагандиста классического музыкального наследия – умершего буквально накануне первого из концертов, который Евгений Андреевич по давно сложившейся доброй традиции должен был вести. Можно представить себе, насколько трудно пришлось в такой момент Дмитрию! За два дня до второго концерта Евгения Андреевича хоронили. Люди несли к его праху цветы и траурные корзины с лентами. Прекрасным же приношением Дмитрия стал цикл из двух концертов, в которых дивным венком переплелись музыкальные произведения многих композиторов, разных стран, эпох и стилей.

Первый из пяти романсов Чайковского был воспринят залом как тихое и нежное приветствие: «Нет! Только тот, кто знал свиданья жажду, поймёт, как я страдал и как я стражду...». А последние слова заключительного романса: «Друг, помолись за меня! Я за тебя уж молюсь!» – исторгли из уст Екатерины

Константиновны Иофель возглас: «Потрясающе!». И, как она потом говорила, вырвалось это восклицание почти бессознательно.

Вокальный цикл из четырёх частей «Песни странствующего подмастерья» австрийского композитора Густава Малера, жившего на рубеже XIX–XX веков, погрузил слушателей в мир трагических любовных переживаний героя, который ищет забвения в долгой дороге и в общении с природой. Будучи композитором-философом и ярко выраженным продолжателем шубертовской романтической традиции, Малер вложил в уста своего персонажа слова утешения, ставшие главным выводом всего произведения: «Тогда не знал я, что время превращает в благо всё для нас! Всё, всё, скорбь, любовь, мечты и сны!»

Когда-то, работая над циклом Георгия Свиридова «Отчалившая Русь», Дмитрий говорил: «Всё, что я делаю, к чему стремлюсь, – это всё для нас. Тем более Свиридов. Боже мой! Это же о нас с вами, это же о том, чем мы живём, что переживаем, что мы чувствуем. Никто, никто не поймёт этого так сильно, как мы с вами!» Эти глубокие и точные мысли с полным правом можно спроецировать и на поэму «Петер-

3 Публикуется по: Ванюкова Э. Когда Орфей поёт о «Петербурге»: [концерты Д. Хворостовского в Красноярске] // Красноярский рабочий. 1997. 15 июля. С. 3.

бург». Для красноярцев произведение стало премьерой, хотя впервые оно прозвучало целиком 16 декабря 1995 года в Москве в день 80-летия композитора и получило уже широкий резонанс в музыкальном мире благодаря Дмитрию, первому и единственному исполнителю «Петербурга». «Совершенно гениальная музыка», – говорит о ней Дмитрий. «Совершенно гениальный исполнитель», – скажем мы вслед ему. Символические строки Блока обретают в музыке Свиридова и в трактовке Хворостовского и Аркадьева такую конкретику, от которой мурашки идут по коже. Чего стоят одни только страшные колокольные удары в песне «Рождённые в годы глухие»!

Творчество Михаила Аркадьева, являющегося бессменным партнёром Дмитрия уже в течение нескольких лет, несомненно, заслуживает «отдельной строки». Он не столько партнёр, сколько исполнитель-соавтор всех музыкальных поисков Хворостовского. Совершенно превосходны у Аркадьева те вещи, которые написаны для оркестра, но в силу концертных условий исполняются на фортепиано. Партитурностью мышления наполняет он и все чисто клавирные авторские строки, например, в романсах Чайковского или цикле «Петербург».

Второй концерт, состоящий только из произведений зарубежных композиторов, показал нам, что в планах Хворостовского – исполнение партий Дон Жуана и Риголетто, Ренато и Родриго, которые уже, по сути, готовы и только ждут благоприятного момента для реализации.

Великие старики Гендель и Глюк – это «лакмусовая бумажка» для любого исполнителя. Многим певцам иногда легко удаётся провести публику на музыке, допустим, Верди, тем, что они «рвут в клочья» любовные страсти. Но со старой оперой-*seria* (серьёзной) этот номер не проходит. Дмитрий показал нам все потаённые уголки этой музыки: её красоту и строгость, виртуозность и простоту, проникновенность и глубину.

Хворостовский уедет. А в фойе Малого зала филармонии останется его портрет кисти Анатолия Левитина. Портрет этот станет первым в галерее под названием «Знаменитые красноярцы в мире музыкального искусства». А самое главное, останется в памяти его голос, неправдоподобно красивый, поющий о том, что «музыка переживает всё, музыка излечивает всё. Музыка излечивает даже тиранов и фурий!» И да будет так!

2002 год

МНОГАЯ ЛЕТА!⁴

16 октября – день рождения Дмитрия Хворостовского. Певцу 40 лет. Он в зените славы. Многие отдают ему пальму первенства в мировой баритоновой «табели о рангах». Им прочно обжиты все лучшие оперные сцены Старого и Нового Света. С ним безмерно рады работать маэстро Валерий Гергиев и маэстро Евгений Колобов. Хворостовским записаны десятки альбомов (большей частью с фирмой Philips Classics). Он стал и звездой экрана, сыграв и спев сразу две роли – Дон-Жуана и Лепорелло – в музыкальной киноверсии знаменитой оперы Моцарта, сделанной в Канаде. А цена билетов на июньский (этого года) концерт Хворостовского в Москве в Большом зале консерватории доходила до 12 тысяч рублей.

Однако начиналось-то всё в Красноярске, и будущие исследователи его творчества – а таковые, хочется верить, обязательно объявятся со временем – свидетелей начала звёздной карьеры Дмитрия смогут найти только на его родине, среди сокурсников, педагогов, партнёров по оперной сцене да и просто среди ценителей.

Как у каждого читателя есть «свой» Пушкин, так у каждого, кто слушал нашего Орфея, есть «свой» Хворостовский. Я считаю, что мне необыкновенно повезло, так как я имела счастливую возможность слышать и видеть почти все выступления – в концертах, оперных спектаклях – Дмитрия Хворостовского в Красноярске, причём ещё до того момента,

⁴ Публикуется с сокращениями по: Ванюкова Э. Многая лета! [о Хворостовском] // Вечерний Красноярск. 2002. 15 октября. В материал добавлена фотография из статьи О. Бошняковича, напечатанной в 1989 году в журнале «Советская музыка» (вып. 9, с. 70–71).

как на него обрушилась международная известность. Теперь в это трудно поверить, но было время, когда в полупустом зале театра оперы и балета можно было наблюдать поразительную самоотдачу, глубокое проникновение в образ, к примеру Онегина, которые демонстрировал молодой баритон – ровесник своего героя.

Думается, отдельной главой в будущем жизнеописании Хворостовского исследователь выделит годы, когда певец покорял самую взыскательную в мире публику: профессионалов и любителей-всегдашних, которые приходили на его первые концерты в Москве и Петербурге (тогда ещё Ленинграде). Он уже был лауреатом Всероссийского и Всесоюзного (имени Глинки) конкурсов вокалистов, обладателем «Гран-при» Международного конкурса в Тулузе и собирался ехать в Кардифф на престижнейший конкурс Би-би-си, а Москва его ещё практически не знала (за исключением специалистов-вокалистов, конечно). По пути в Великобританию – 4 июня 1989 года – Дмитрий дал сольный концерт в Колонном зале, и известный пианист Олег Бошнякович (с которым Хворостовский впоследствии сделал ряд концертных программ) разразился большой статьёй под названием «Открытие» в солидном специализированном журнале «Советская музыка», где отметил: «...концерт молодого артиста, столь щедро одарённого, прошёл поистине с триумфальным успехом. Глубоко взволнованная публика долго не могла успокоиться...». Он же впервые написал о Дмитрие и в газете «Советская культура», хотя, по собственному признанию, пошёл в своё время в Колонный зал исключительно любопытства ради, не ожидая столь ошеломляющего впечатления.

В Петербурге Хворостовский спел раньше. 18 октября 1988 года, и опять же по пути, но на сей раз из Тулузы в Красноярск, он выступил в «компании» своих молодых коллег, объединённых лауреатством на XII конкурсе имени Глинки. Теперь это певцы с мировой известностью – великолепное колоратурное меццо Ольга Бородина и бас Максим Михайлов. Были и другие участники. Вела концерт Ирина Константиновна Архипова, она подробно говорила о каждом. Так уж совпало, что на этом рядовом абонементном концерте в Малом зале филармонии на Невском проспекте мне довелось присутствовать лично, и не терпелось проследить за реакцией строгой и сдержанной интеллигенции

Рисунок 1. Д. Хворостовский в Колонном зале.

Москва, 4 июня 1989 г.

Источник: <https://mus.academy/articles/otkrytie>

нашей Северной Пальмиры на явление Певца. На этот концерт я «вытащила» нескольких коллег-музыкантов, пообещав им нечто необыкновенное. Они мне, скажем прямо, не очень-то поверили, но пошли. По замыслу организаторов кульминацией вечера должно было стать выступление их землячки Ольги Бородиной – она замыкала программу. Но в тот день ей явно не повезло – эффектной точки не получилось, потому что непосредственно перед ней пел Хворостовский. И если в первом отделении

всем участникам вежливо хлопали – иногда чуть горячее, иногда несколько прохладней, – то после первого же произведения, исполненного Дмитрием, наступила недоумённая пауза. Люди словно не верили своим ушам: да может ли такое быть на самом деле – невероятная мягкость голоса, безупречная стильность прочтения, слившиеся в гармоничном единстве? И после несколько затянувшейся «паузы удивления» – обвал эмоций, шквал аплодисментов, крики... Дмитрий продемонстрировал владение камерным репертуаром («Страшная минута» Чайковского, «Всё отнял у меня» Рахманинова, «Замкнутость» Вольфа, на немецком языке), оперными ариями (Елецкий из «Пиковой дамы», вердиевский Макбет, на итальянском языке), русской песней (на бис он спел «Ах ты душечка, красна девица»). Было понятно, что время его выступления окончено, вот он повернулся, вот он уходит со сцены – и вдруг (почти как стон!) слева от меня кто-то из группы молодых ребят, по-видимому студентов-вокалистов, закричал отчаянно: «Куда же ты пошёл! Родриго пой, Родриго!» Они так хотели и так надеялись услышать обозначенную в программе, но заменённую арией

Макбета сцену смерти Родриго из оперы Верди «Дон Карлос»! Они уже догадались, как гениально это должно прозвучать, и терять своего не хотели.

Справа от меня, в крайнем через проход кресле, скромно одетая пожилая женщина со следами слёз на лице в сильнейшем волнении, забывшись, задела жемчужное ожерелье (быть может, единственную свою драгоценность), и жемчуг покатился по дорожке партера как бы вослед 26-летнему триумфатору, оставшись на паркете знаменитого зала неожиданным жертвоприношением новоявленной поклонницы.

Мои друзья сказали после концерта, что Хворостовский – это самое большое их музыкальное впечатление за последние несколько лет, и были необыкновенно благодарны за то, что уговорила-таки их пойти со мной.

Через три месяца в том же Малом зале, с его неповторимой акустикой, Дмитрий исполнял теперь уже сольную программу. После чего не замедлил появиться материал в газете «Советская культура», и вновь под названием «Открытие». Ну что ж, у каждого «свой» Хворостовский и «свое» открытие Хворостовского.

Сведения об авторе

Ванюкова Эльвира Анатольевна, музыковед, заслуженный работник культуры Красноярского края
E-mail: elviravan0911@mail.ru

Author information

Elvira A. Vanyukova, musicologist, Honored Worker of Culture of the Krasnoyarsk region
E-mail: elviravan0911@mail.ru